

— Я НИКОГДА не получал такого количества писем, — рассказывает В. Астафьев, — как в последние два-три года. За это время почта возросла примерно в пять-десять раз. Кого-то незаконно уволили, арестовали, где-то погубили природу, вырубали последние деревья... А поскольку администрация на местах работает плохо, как, впрочем, судебные и прочие органы, то обязательно увеличивается поток писем.

Иногда мне кажется, что у нас есть люди и даже органы, которые всеми способами пытаются отвлечь писателей от дела. И вот это море бумаг, море слов, исходящих отовсюду, особенно сверху, местные власти не в состоянии не только переварить и принять по ним меры, но многие из них прочесть. Это надо и ЦК сказать, и Верховному Совету. Покороче, поменьше слов, а больше дела. Тогда и легче будет следить за выполнением своих постановлений и решений.

Между прочим, особо большая почта шла в последние два-три года из Киева и Днепропетровска. Похоже, эти два города, в смысле беспорядка, самые характерные для Украины. Об этом, кстати, не раз писали центральные газеты и журналы. Каждое второе письмо отсюда — крик души, отчаяние.

Послушай, что пишет учительница Г. Змиевец, отличник народного образования Украинской ССР. Она из Киевской области, города Украинка. «Виктор Петрович, обращаюсь к Вам за помощью, заранее прошу поверить мне: я искренне прошу за детей, помогите прекратить все это, иначе не знаю, что будет со мной, смогу ли жить, работать, учить ребят. Суть дела такова. В течение многих лет мы собираем материалы по созданию музея-класса В. Шукшина. Оформили два стенда: «Писатель, актер, кинорежиссер», «По Чуйскому тракту». Приез-

— Что я могу сказать? Многие уподобляют писателя прокурору или корреспонденту. Они, видимо, не знают, что у меня нет ни власти, ни денег, ни связей. В исключительных случаях я могу обратиться в райком или в профком и пристыдить зарвавшегося руководителя. Но какой толк от этого?

Мы потеряли чувство уважения друг к другу, культуру общения. Дело доходит до абсурда. Недавно открываю конверт и читаю: «Нашей маме исполнился 101 год. По этому случаю мы отравили на краевое радио письмо и заказали песню «Оренбургский платок», но нашу просьбу не выполнили. Разберитесь, Виктор Петрович, и дайте нам ответ».

Не знаю, послали ли своей матери ее дети

На днях пленум правления Союза писателей СССР избрал Виктора Петровича Астафьева народным депутатом СССР. Мы сердечно поздравляем его с избранием и желаем ему успехов на этом пути. Со всех концов страны и из-за рубежа идут Виктору Петровичу откровенные письма людей. Авторы — самые разные по возрасту, занимаемому положению, мировоззрению.

Виктор Астафьев

О ПИСЬМАХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

жают в школу комиссии, удивляются: «А почему Шукшин?». Я сдержанно отвечаю на это: «Знаете, французы создали двухсерийный фильм «Почему Маяковский?». Все, однако, смотрят на мою затею, как на чудачество. Естественно, никого не интересует, как за чей счет, когда я все это делаю с ребятами. Дети все видят и все понимают, стараются мне помочь, но иногда и у них опускаются руки. Некоторые учителя утверждают, что Шукшин не для школы, он вульгарен, шарлатан и т. д. У меня, Виктор Петрович, стало совсем на душе плохо после того, как начались бесконечные проверки.

Напишите ребятам всего несколько слов о том, что они правильно делают, изучая творчество В. Шукшина. А все остальное мы переживем. Будем счастливы, если Вы найдете время нам ответить».

Очень грустное впечатление произвело и письмо, которое написал из Киева Д. Сологуб. «С 1966 года работал в Киевском автомобильно-дорожном институте. В 1975 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. После этого начался откровенная травля, что может быть легко подтверждено немотивированными приказами ректора. С 1980 года я пытаюсь добиться справедливости — восстановления на работе и привлечение к ответственности (обязательной) виновных в моем незаконном увольнении. Однако все мои обращения в КПК при ЦК КПСС, в Минвуз СССР, в прокуратуру, в Киевский ГР КПУ пересдвигались в институт для рассмотрения и, естественно, не могли привести к положительным результатам. Преодолеть сложившийся в местных органах протекционизм я не смог до сих пор. Уже более шести лет я безработный. И это при громких и постоянных заявлениях о развитии социалистической демократии, о праве на труд и т. д. Сколько же ждать торжества справедливости?»

Таких писем сотни. Одни ждут совета, другие просят срочно выслать книгу, деньги, третьи — помочь опубликовать стихи, рассказы, четвертые — выбраться из тюрьмы на свободу... Вот это обязательно напиши, что я тебе сейчас скажу. Первоначально, когда началось движение неформалов, разных объединений, инициативных групп, я на какие-то вещи откликался, пробовал как-то поддерживать то или иное движение, которое мне казалось прогрессивным. Теперь я не отвечаю ни на одно письмо, не даю никаких советов и согласий. Потому что каждую неделю где-то возникают какие-то сообщества. Это движение жизни. И надо только приветствовать такое явление. Люди объединяются, не хотят жить раздельно, какие-то дела делают. Но так много разных инициативных групп, объединений, появилось слово «неформалы», а, по-моему, это люди, которые ищут способа общения друг с другом. Разбрешднесь люди, не зная ни руля, ни ветрил, сами стихийно объединяются.

Я не хочу в этом участвовать, потому что это тоже один из способов отвлечь писателя от его прямой работы. Годов мне остается немного, сил тоже. На всякий чих, на всякий клик меня уже не хватит. Надо писать рассказы, заканчивать роман.

С «неформалами» должна работать наша администрация. Но беда в том, что она отвыкла работать с народом. Многие партийные вожди раньше только пали, приветствовали друг друга, заставляли арестовывать людей, строить лагеря и железнодорожные ветки к ним. У нас, в Хакасии, например, несколько лет назад были привлечены к уголовной ответственности десятки ни в чем не повинных людей. Многие из них сейчас на свободе, незаконно осужденным выплачены из кармана государства сотни тысяч рублей. Но среди них немало еще не реабилитированных людей. Кто ими будет заниматься? Никому нет дела. Объединить народ, направить его на какие-то путные дела нелегко. Администрация потеряла контакт с ним. Многие руководители оказались банкротами.

— Как бы вы ответили, Виктор Петрович, на письмо Г. Вахлаш из Симферополя и других читателей, которые пишут, что с высоких трибун осуждают руководителей, разваливших край, область, а они со всеми почестями ушли на пенсию, получали в Москве квартиры и беспежно живут в столице? А некоторые из них поднялись еще выше по служебной лестнице.

рубашонку, обутку или пятерку на хлеб, в этом я не уверен, а песню по радио давай. Больше того, они просят пристыдить тех, кто не выполнил их просьбу. Какое-то скудоумие у людей!

Сидели десятки тысяч невинно осужденных людей, у них кости трещали, уничтожали друг друга, и вдруг в газетах читаем: на Внуковском аэродроме забыли собаку. Пресса возмущалась, пошли письма: «Я возьму собаку, буду воспитывать ее как сына». А рядом сосед помер, пять суток один лежит, и никому до него нет дела. А если тот же сосед не вовремя свет выключил или не вымыл пол в коридоре, то ему проходу не дадут, затравят его.

Ужасное ханжество! Оголевшая демагогия! У многих людей выработалась склонность к показной доброте. Но ведь не может быть доброта человека. Но если ты и впрямь добрый, иди в больницу, там не хватает санитарок, дети обшивленные лежат, вычехи их, как этим занимались, между прочим, монахи, монашки. Раньше в приюты приходили барыни и окрестных крестьянских детей отмывали, как меня в тридцатые годы, когда из беспризорников я в детдом пришел весь в чесотке и вшах.

Вот общая фотография. Так женщина, которая меня обходила, даже имени своего не назвала. Только прислала фотографию и спросила: найдете ли меня тут? Нашел, конечно. Зато другая воспиталка, которую мы терпеть не могли, теперь везде всем рассказывает, как хорошо нас воспитывала.

Это и есть та самая показная доброта. Таких людей, к сожалению, немало. Они у нас украли миллион, а теперь десятку жертвуют на мемориал. Меня коробит от этого, выть хочется, когда вижу и слушаю таких ловких доморощенных филантропов.

— В конце 1988 года работница объединения «Востоксбейвпром» отправила вам письмо, в котором рассказала о том, как кучка расхитителей, заметая следы преступления, сожгла в Ачинске швейную фабрику. Так было уничтожено материальных ценностей на сотни тысяч рублей. Как бы вы могли прокомментировать этот случай?

— Я читал это письмо и хорошо помню его содержание. Но что мне делать, когда такие послания получаю пачками? Сегодня из швейной фабрики, завтра — с обувной, послезавтра — с мясокombината... Я же не могу пойти на эти предприятия и вести там следствие. Пусть читатели меня простят, но я должен заниматься своим делом. У нас масса проверяющих и контролирующих органов. Надо активизировать их работу. В тех же исполкомах приемные должны быть не формальными, а обязаны по-настоящему заниматься делом. Туда отлучили людей ходить, хотя именно в исполком надо передавать такие письма, к тому же в надежные руки.

Зачем мне ящичи, распухшие от этих писем? Многие из них даже не могу прочесть, особенно военных отставников. Их письма почти все одинаковы. Когда я получаю отклики о войне, то, как правило, они начинаются такими словами: «Да, в начале войны мы испытывали определенные трудности, потому что был сильнее противник, у него было больше техники, людей...». Но это все неправда. У нас и техники, и людей было не меньше, а больше, только все это безобразно было погублено гениальными нашими стратегами, политиками, полководцами на главе с величайшим учителем и вождем. Пишут, что, начиная со Сталинграда, мы били врага, гнали его легко и непринужденно. Но нужно ли на этот счет трезвиться, если мы потерли несчет в десять раз больше, чем противник? Человеку запудрят мозги, он и радехонек. Так легче жить, пить по течению.

Все это от растления духа. И когда вы видите растленную молодежь, не надо ее обвинять. Это состояние, к которому она пришла естественным путем. Никто нам эту молодежь с неба не сбрасывал, ниоткуда нам ее не присылали, она наша. Все пороки, которые мы сумели спрятать, притаять с помощью газет и вождей, вылезли теперь наружу. Так что же кивать на эту молодежь? Ох, она такая! Ты-то кто ей приходишь? Дед, прадед, бабка, отец, мать. Родня же! Если вообще на земле все люди братья, как завещал все-таки Иисус Христос, то в одной-то стране, в одном городе тем более. Какая-то часть совестливых людей все-таки

оставалась. Но что с ней делали? Заливали вином до одурения. Напились, забылись, уснули. Глядишь, жизнь сократил. Эка благодать! Вот на нашем кладбище, где мы с тобой были в прошлом году, почти половина погибших. И это сейчас, в мирное время, такое количество застреленных, утонувших, от вина сгоревших людей. Курил пьяный, уронил сигарету, сгорел вместе с избой. Целыми рядами молодые лежат. Население старое, покойники молодые.

Передо мной еще одно письмо, которое написала от имени верующих А. Степанова. «Уважаемый Виктор Петрович, убедительно просим Вас помочь нам, новосибирцам, отстоять в пользу верующих храм Александра Невского, который в данный момент занимает каменерный

хор. Мы обращались в облисполком и горком партии, но получили отказ. Тысяча подписавшихся верующих, а это те же рабочие, служащие, участники Великой Отечественной войны, очень просят помочь вернуть храм. Застойные явления в Новосибирске напоминают 1937 год. Во всех городах отдают храмы, но не у нас. Помогите нам пробиться сквозь эту броню. Очень ждем, откликнитесь, пожалуйста».

Многочисленные письма, которые я сейчас получаю, показывают духовный уровень народа. И мы, пожалуй, никогда не опускались так низко, как в последние годы. Поэтом любой канал, любая нить, любой участок жизни, который способствует возрождению души человеческой, должен приветствоваться и поощряться. Если церковь поможет хоть одному человеку нравственно очиститься, то не надо препятствовать этому. В Новосибирске, как мне известно, все-таки открыли храм. Где-то в Сибири построили новую церковь. Местные власти Красноярска тоже вернули верующим Покровскую церковь, которая расположена в центре города. И правильно!

— Среди сотен писем, которые мне удалось прочитать, многие авторы задают писателю такой вопрос: «Почему в нашем современном обществе наблюдается такая душевная черствость, такой дефицит добра и сострадания?»

— Когда через тюрьмы, лагеря смерти пропущены десятки миллионов людей, то причину искать и особенно спрашивать кого-то об этом, наверное, не надо. Нужно самим маленько подумать, откуда все происходит? Прежде всего это идет от бездушия, которое произошло в тех же тюрьмах и лагерях. Они нам принесли полове извращения, оскудение языка, разума. На нас уже не производит удручающего впечатления слова «смерть», «убийство», «растление детей». Выслушал, ахнул и пошел дальше, тут же все забыл.

Посмотрите, что происходит в школах? Дети безжалостно бьют друг друга, учителя унижают, растаптывают их достоинство, появились гомосексуализм. А кто воспитывает наших детей? Женщины. В школах очень мало мужчин. Учители воспитали безвольных, слабых физически и духом детей, на себя похожих. Только сейчас, когда учителям прибавили зарплату, в пединститутах стали конкурсы на основные факультеты, а то были недоборы, брали всех подряд. Может быть, все-таки пополнятся школы мужчинами, и хотелось бы верить, что они будут воспитывать настоящих парней.

Деликатность и воспитанность сразу не приходят. Нужно два-три поколения, чтобы избавиться от тех пороков, которые приобрели за последние десятилетия.

Мне запомнилось письмо инженера Георгия Петровича Вишкова из Ногинского района Московской области, которое я получил несколько месяцев назад. Автор утверждает, что большинство людей настраивают себя на игнорирование возмутительных фактов. «Можно мешки с цементом под дождем, — пишет он, — черт с ним, не мой ведр! Порты славный Байкал — меня это не касается, я далеко живу! Жульничают в магазинах, в сфере обслуживания — пусть, отвернусь и не буду обращать внимания! Калечат землю — больно, конечно, но что я один могу сделать, лучше не вмешиваться».

Равнодушие — бич нашего народа. Оно проникло во все слои общества. Потому и нет никому дела, что происходит с ученым из Киева, с незаконно осужденными людьми из Хакасии...

— Ваши читатели из Москвы, Читы, Саратова и других городов спрашивают у вас, Виктор Петрович, какие перемены произошли в Красноярском крае после того, как побывал М. С. Горбачев?

— Свободней стали краевые газеты. Что-то собираются делать по оздоровлению окружающей среды. Мне пообещали прекратить сплав леса по реке Мана. Если это сделают власти, и то хорошо. Демократия стало больше, но харчей не прибавилось, в магазинах по-прежнему скудно, хотя власти наши все время сулят улучшить снабжение продовольственными и промышленными товарами. Народ по горло сыт обещаниями, и никто уже не верит, что завтра он будет жить лучше, чем вчера. Но более конкретный ответ на поставленный тобой вопрос дала 10 февраля газета «Красноярский рабочий»:

«И вот пролетело пять месяцев, — говорится в передовой. — Почти ничего не сделано по реализации предложений трудящихся и замечаний Генерального секретаря в Норильске и Хакаской автономной области».

Не лучше обстоят дела в краевом центре. До сих пор не сняты здесь вопросы водоснабжения, транспортного обслуживания, уличного освещения. Не выделено городу дополнительных фондов на молочно-консервные продукты, производимые в крае, не улучшилась торговля плодородной продукцией. Программа краевого центра по оздоровлению окружающей среды состоит ныне более чем из 150 пунктов. На 1988 год из них была предусмотрена реализация лишь двух, но и они не выполнены».

— В почте писателя много писем и рукописей от начинающих поэтов, прозаиков. Он ведет с ними постоянную переписку, помогает им. Вместе с Романом Солдатовым подготовил уже вышедший сборник одного стихотворения «Час России». В него вошло 360 стихотворений поэтов, живущих в российской глубинке. Сдал сборник недавно умершей Леры Абдуллиной, подготовил к публикации стихи рабочей женщины из Норильска Елены Ягумовой, ряд поэтических подборок молодых авторов. Но самое, пожалуй, важное дело последних лет — помог «двести до ума» и определить в издательство «Молодая гвардия» книгу о бабушке командира 17-й артиллерийской дивизии, в которой воевал писатель, — Александровой-Волкенштейн, великой русской женщине, в 18 лет приговоренной к смертной казни и после помилования 13 лет вместе с Верой Фигнер мучавшейся и не сломившейся в Шлиссельбургской крепости. Глава из этой книги была опубликована минувшей осенью в «Правде».

— Среди писем и рукописей немало и макулатуры. Пишут много, по 20—30 страниц, да таким разрыганным почерком, что читать невозможно. Люди не думают, что человеку уже 65 лет, что, наверное, у него зрение село, что голова болит. Многим кажется, писатель — это жеребчик, который может прыгать, скакать, и у него нет ни своего горя, ни беды, ни хвори. Иные авторы прямо за горло берут. Дескать, ты там давай, помогай, спасай, похлопочи устроиться в больницу, лекарство достань. А как мое здоровье, могу ли подойти к столу и ответить на многочисленные просьбы, об этом спрашивают только интеллигентные читатели, чаще всего ленинградцы. Хотя и пытаются у нас превратить Ленинград в захудалую провинцию, уподобить краевому или областному центру, безобразно, конечно, но «питерские» традиции все-таки очень крепки. Есть у меня там постоянные читатели, настоящие, хорошие. Вот те спросят и даже в конце своего письма скажут: «Ответа не пишите, не губите, пожалуйста, ваше дорогое время». Но таких писем единицы. Основной же поток почты — это, повторяю, жалобы. Некоторые письма моих авторов производят очень удручающее впечатление. Но есть среди них и такие, которые вызывают смех, улыбку.

Вот одно из них: «Виктор Петрович, Вы писали в «Лит. газете», что есть у Вас предчувствие, что скоро придет гений. Он будет из Сибири. Я пришел. Родом из Курана. Сейчас живу в деревне. Здесь я купил дом за 200 рублей. Я заканчиваю поэму «Русь сталинская». Ее в рукописи прочитали более двухсот человек. Мне сказали люди, что за нее будет Нобелевская и Ленинская премия. Эта книжка обойдет весь мир. Поэма сто сорок страниц. Сейчас мне 35 лет. Я не женат. Материальное положение тяжелое. Мне нужен меценат, чтобы помог мне деньгами и напечатать поэму. Вы мне не подскажите? У Вас я не прошу, но если пришлете рублей двести, то не откажусь».

Я однажды где-то высказал мысль о предощущении гения. Что всякое безвременье формируется в конце концов вовремя и не может оно длиться так долго, как наше, где все-таки были не только грехи, но и достижения. В наше время написано несколько великих произведений, в том числе «Тихий Дон», «Василий Теркин», «Реквием» Ахматовой, и что это для кого то пишется. Отсюда и предощущение гения, что он должен быть в общем-то из Сибири, поскольку этот регион наиболее свежий по своим языковым возможностям, по своему творческому потенциалу, заселению, обновлению земель. Вот он сразу и откликнулся: «Я и есть гений!». Конечно, ко всему надо относиться с юмором — иначе ведь с ума сойдешь. Каких писем только нет, все ящичи завалены стихами. Кто только их не пишет! Какой бред! Зачем они мне нужны? Подумали бы! Правда, я определил несколько человек со стихами печататься, пожелал им доброго пути. Но это люди пишущие, которых я знаю или был знаком с ними.

— Немало читателей просят к вам на прием...

— Таких просьб действительно очень много. И когда позволял мое здоровье, я старался никому не отказать в этом, даже в праздники выслушиваю людей. Не стал исключением и день 8 марта. Почти полдня беседовал с посетительницей из Красноярска, которая устала бегать по инстанциям и писать жалобы, добиваясь справедливости. Конечно, всех страдающих утешить не могу, и пусть меня читатели за это не упрекают и тем более не сравнивают мои возможности с графом Львом Толстым, к которому толпами шли люди. У него была большая усадьба, дворня, был капитал и было кому их принять. Мои возможности ограничены, когда хворая, даже дверь открыть некому. Не очень крепкое здоровье и у моей жены — Марии Семеновны. Тем не менее у нас в квартире всегда народ. Сам видел, какое столпотворение было в эти дни. И так каждый день. А сколько телефонных звонков! Впрочем, чего жаловаться, сам свою судьбу выбрал и определил, терпи!

— Говорят, нет худа без добра. Быть может, письма читателей подскажут писателю новые темы...

— Интересных писем, без обвинений, без назидательно-прокурорского тона, умных, уважительных, к сожалению, не прибыло. Это показательно того, что по сравнению с тринадцатым годом количество хорошего читателя на писательскую душу, так же, как и писателей на читателя, тоже не прибавилось. Многие перешли смотреть телевизор. А в тринадцатом году его не было, люди читали книги. Кроме того, сейчас читающая публика увлеклась газетами, журналами — периодической печатью. Там много сенсационных материалов, разных слухов. Все торопятся высказывать, поучать, себя похвалять. Происходит какая-то нравственная сдвиг. Но в целом поток этих писем все-таки дает ощущение дополнительного состояния общества, его нынешнего духовного уровня. Увы, на мой взгляд, не очень высокого.

КРАСНОЯРСК.

Вел беседу М. МАЛАХИЕВ.